

**Я играю только на деньги...
У меня никогда не было жела-
ния играть красавиц и героинь...
Мне скучно говорить про тряпки
и про любовников...
Работа — это и есть кайф...
Я никогда не сажала партне-
ров...
У меня нет спонсоров в виде
мужей и любовников...**

Так говорит **Ольга Аросева**, еще раз убеждая меня в том, что артист, создавший некогда всенародно любимый персонаж, значительно интереснее и глубже своего детища. А иначе нелепая и обаятельная в своей нелепости пани Моника не стала бы любимицей масс, героиней фольклора... "Приходит однажды Пани Моника..."

— Ольга Александровна, я знаю, что когда вы поступали в Театральный институт, вы совершили подлог: предъявили диплом своей сестры.

— Не совсем так. Я предъявила ди-

плом своей сестры, когда в Театр комедии поступала. В Москве во время войны гастролировала ленинградская "Комедия" под руководством Акимова. Вот я и пошла к нему поступать с чужим дипломом. Почему, спросите? Я должна была работать: жить не на что было.

Дело в том, что когда мама второй раз вышла замуж, мы остались с отцом (он нас не отдал). В 37-м палу арестовали и мы — три сестры — пришли к маме, у которой на руках к началу войны была еще маленькая дочь от второго брака и престарелая мать — наша бабушка. Было очень тяжело. Мама работала одна. Мама, которая нигде никогда не работала и не умела этого делать. Старшая сестра пошла на фронт воевать. Лена, вторая сестра, закончив училище, уехала в Вильнюс с курсом. Я тоже, чтобы освободить маму, решила уехать с Театром комедии. С 15 лет я осталась совсем одна, жила на стипендию. Сама себя содержала.

— Вы авантюристка по натуре?

— Только необходимость вынуждает меня делать такие шаги.

— Мне кажется, я не ошибаюсь — вы заядлая картежница?

— Я играю в преферанс.

— Мужская игра, между прочим.

— Игра для умных людей. Я лично всегда играла в женской компании: с Татьяной Пельтцер и Валентиной Токарской. И только на деньги. В проигрыше всегда была Татьяна Ивановна. Токарская никогда не проигрывала. А я — и так, и эдак.

— Не везет в картах, повезет в любви или, скажем, в работе?

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Я не считаю себя везучим человеком, но вместе с тем не считаю себя невезучим. Я прожила нормальную жизнь вместе со всеми бедами, которые выпали на долю этой несчастной страны. Я видела войну, голод, холод, 37-й год пережила. То есть все, что случалось со страной, имело непосредственное отношение ко мне.

— Могу засвидетельствовать ваш успех. Например, как только вы появляетесь на десятой минуте спектакля "Босиком по парку" из подвала — шквал аплодисментов.

— Но это доказательство известности и популярности, а доказательством удачливости могло бы быть то, например, если бы я сыграла роли, о которых мечтала. Но этого практически ни у кого не бывает. И я не обижаясь.

— Я вижу перед собой трезвого игрока. Значит, что это, что вам в голову не приходила мысль, ли вы гениально, например, сыграли бы Джульетту?

— Нет, не приходила. Это правильное впечатление. Я очень осторожно отношусь к своим возможностям и никогда не замахииваюсь на такие роли, которые, как я считаю, не могу играть. У меня никогда не было желания играть красавиц, героинь. Да и вкуса к этому не было. Я любила характерные роли и даже в молодые годы героиче-

ские хотела сделать характерными. Допустим, я хотела сыграть "Визит старой дамы", но даму прекрасно сыграла Сухаревская. Или в "Коломбе" — мадам Александру. Но... В своей жизни я завидовала только балеринам. Я думала, когда-то очень давно, выйти на сцену Большого театра и пробежать, протанцевать из кулисы в кулису. Красиво? Я мечтала быть дирижером. Встать так в полный рост в черном фраке, взмахнуть палочкой... А в драматическом искусстве я никому не завидую, потому что понимаю, что искусство актеров очень зависимое. Если у певицы есть голос, так она и будет петь. Если балерина умеет крутить 32 фуэте, так она и будет их крутить. А для актера важно все: чтобы ему дали роль, чтобы эта роль была хорошая, режиссер попался приличный, партнеры тоже.

— Ну а если бы сейчас, когда есть опыт, имя, вам предложили роль "не по плечу", вы

Моск. комедия - 1994. - 10 нояб - 48

РОЖДЕННАЯ МОНИКОЙ, в Джульетты...

бы плюнули на привычку трезво все оценивать?

— Не знаю. Вот пусть сначала предложат, тогда я подумаю.

— Хороший ответ. Но отчего это вдруг актриса Аросева стала антрепренером? Я имею в виду спектакль по пьесе Буравского "Нет ли у вас другого глобуса?". Поворот в судьбе? Неудовлетворенность профессией?

— Я не считаю, что у меня нереализованные возможности. Антреприза, хотя это громко сказано, — не афера, а единственное и неотступное желание играть и много работать. Оно от того, что в столичных театрах спектакли идут годами, не меняются и не являются источником вдохновения. А новые роли — другое дело.

— Я знаю, что у этого спектакля не очень удачная судьба, например, вы не играете его на сцене "Сатиры". Вот тут, как мне кажется, пригодилась бы ваша склонность к авантюрам.

— Это как раз говорит об отсутствии авантюризма. Спектакль мы сыграли в Ленком, "Современнике", в Израиле прошло двадцать постановок. Недавно вернулись из Риги, где спектакль прошел на полных аншлагах.

— Теперь я понимаю, что пани Моника — это не вы, и более того — совсем вам не близкая натура. Она — плод воображения, наблюдения?

— Моника — моя мама, копия ее. Она говорила точно так же: сигарету в зубы и рассуждала обо всем со знанием дела, особенно о том, в чем ничего не смыслила. Я вообще люблю играть родственников. Я не люблю придумывать характеры. Я всегда кого-то имею в виду.

— А себя-то имеете в виду?

— Нет, себя не случилось играть. Хотя в какой-то степени — это мои эмоции. Энергетический посыл на любой поступок — это свойственно и мне. Потом, очевидно, схожесть — в желании вмешиваться в любую проблему. Но вот характер, манеру говорить, строить фразу я беру у других людей, причем людей близких мне и знакомых.

— Кто еще послужил "материалом"?

— Обе бабушки. В "Самобуйице" — я прическу делаю, как у бабушки, а манера говорить — от тетки, и халат китайский тоже от нее. А Роза из пьесы Буравского — от моей соседки, которую я

— У вас была, на мой взгляд, совсем небольшая роль, но замечательная. Я имею в виду Лобу из "Берегись автомобиля" — молчаливую женщину с трагическими глазами. Это не повторилось больше?

— Да, больше не приглашали. Надо сказать, я не очень люблю кино. Я люблю театр. А в театре, как видите, преодолела этот барьер и играю роли, которые не приклеишь к одному амплу. У меня есть трагифарс, комедия, классика, драма. Ведь тетя Роза из "Нет ли у вас другого глобуса?" — полноценная драматическая роль.

— Если бы вы писали книгу, как это делают ваши коллеги, была бы в ней глава "Мужчины в моей жизни"?

— А как же. Не только глава, тома могли бы быть написаны. Я фамилий называть не буду. Во-первых, нет в живых кое-кого. Я четыре раза была замужем, и этого достаточно.

— Вы не хотите называть имен. Что, ужас при воспоминании охватывает?

— Никакого ужаса. Мы со всеми расставались друзьями. И никаких трагедий по этому поводу не было. У меня был музыкант, когда я работала в Ленинграде, был муж здесь, в Театре сатиры, который умер, — артист Юра Хлопецкий. Певец был — Аркадий Погодин.

— А четвертый?

— А четвертый... Я не хотела бы говорить. Он только что женился.

— И что, Ольга Александровна, в результате жизненного опыта вы стали феминисткой?

— Нет. Я мужчин очень люблю и хорошо к ним отношусь. Я умею дружить с ними. Вообще больше общаюсь с мужчинами. С женщинами не нахожу общего языка. Мне скучно говорить про тряпки и про любовников.

— А не грустно, извините за откровенный вопрос, одной возвращаться домой?

— Я к этому привыкла и не обращаю на это внимания. Потом, нужно сказать, столько раз меня ждали, что я от этого устала. Теперь я довольна покоем. У меня настолько загруженная жизнь, что если бы я жила семейной жизнью — дети, внуки, собаки, кошки, мужа престарелые, — у меня не хватило бы на них времени и сил.

— Сейчас, мне известно, вы репетируете собственный бенефис к юбилею.

— В театре возродили традицию делать актерам подарки — бенефисы. Дают право выбирать пьесу и репетировать. Я репетирую пьесу Патрика "Пришить старушку". Она шла в Ленком под названием "Дорогая Памелла". У нас — своя интерпретация.

— И вы играете старушку, которую нужно пришить? По-моему, это не так просто сделать — пришить.

— Не удавалось еще никому. Если не удастся впрдье.

— Приятно видеть перед собой человека, который сохранил качества и желания молодости, — оставаться наездницей в жизни. Тем более, это известно всем, что вы учились какое-то время в цирковом училище на наездницу.

— Ох эти журналисты, все-то они знают. Я действительно очень люблю лошадей. Я в цирковом училище училась во время войны, мечтала быть наездницей. Но... была война и лошадей в училище не было. А в жизни какая я наездница — кляча полудохлая, которая тащит свою лямку, — работу тяжелую. Еще на хлеб надо зарабатывать — радио, телевидение и т. д., и т. п. Спонсоров у меня в виде мужей и любовников нет.

— Я не случайно заговорила о юбилее... Вот если бы вам пришлось выступать перед пионерами, вы как ветеран сцены сказали бы: "Я прожила..."

— Нет, я с пошлостью к пионерам бы не обращалась. И вообще не стала бы выступать перед ними. Избегаю встреч с пионерами. А если серьезно...

— Я тоже серьезно насчет юбилея...

— Если серьезно, я прожила, не анализируя свою жизнь, что и дало мне возможность ее прожить. Вы знаете, ужасно не люблю рассуждения типа "свет рампы, мое творчество". Это все литературщина.

— Накануне юбилея можно иначе поставить вопрос: "Прожила в удовольствие, по кайфу..."

— Я могла бы сказать так, потому что у меня натура, может, очень приспособлена к тому, чтобы жить по кайфу. Но я жила в такой исторической отрезок времени, что ни о каком кайфе не могло быть и речи. 37-й год, война и самые тяжелые годы выпали на молодость, когда человек и любит этот кайф. Работы было больше, чем кайфа. Но для меня кайф в работе. Хорошо проведенный вечер с хорошими людьми, хорошая книжка, вот вентилятор в гримерке работает — тоже кайф.

— А в карты по-прежнему играете?

— В карты играю, но мало теперь. Распалась компания.

— Ваш любимый прием в преферансе?

— В преферансе важно не самому играть, а посадить партнера. Я в преферансе люблю — нет, вы этого не поймете, — ловить на мизере. Поймать на мизере — это я умею.

— А в жизни?

— Нет. Я вообще не умею "сажать" партнеров, как говорят в преферансе, и никогда их не сажала. Я вообще смею смело про себя сказать, что я не очень подлый человек. У меня отсутствуют чувства мести, подлости и зависти. Напрочь.